Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Владимир Медведев: «В зоне, куда пускают только своих»

17.06.2020.

Писатель Владимир Медведев (DR)

Владимир Медведев родился 1 января 1944 года в Забайкалье, на озере Кинон, в раннем детстве был привезен в Таджикистан, где прожил большую часть жизни. Владеет таджикским языком. Работал монтером, рабочим в геологическом отряде, учителем в кишлачной школе, газетным корреспондентом, фоторепортером, спортивным тренером, патентоведом в конструкторском бюро, редактором в литературных журналах «Памир» и «Дружба народов». Живет в Москве.
Действие романа «Заххок» (2017) происходит в 1990-е годы, в разгар гражданской войны в Таджикистане. Описываемые события вызывают ужас, но оторваться от книги невозможно. Надеемся, что и на вас роман произведет сильное впечатление, а пока – запись беседы с его автором.

Владимир, поколение выходцев из СССР, переживших его распад, - особое,

поскольку жизни их четко делятся на «до» и «после». Не секрет, что и сегодня, 30 лет спустя, многие обвиняют подписантов соглашения в Беловежской пуще. Не всем жителям бывших союзных республик полученная государственная независимость принесла личную свободу и экономическое благополучие. Зато многим пришлось пережить гражданскую войну. Как бы Вы позиционировали Таджикистан, богатый и древней историей, и полезными ископаемыми?

Когда мы говорим о Таджикистане, надо помнить, что он до сих пор страдает от посттравматического синдрома. Страна пережила гражданскую войну, самую кровавую изо всех, что вспыхнули в постсоветском пространстве после распада Союза.
Точное количество погибших, преимущественно мирных жителей, подсчитать невозможно. Оценки аналитиков разнятся более чем вдвое — от шестидесяти до ста пятидесяти тысяч убитых. Это число может быть увеличено за счет пропавших без вести. Возможно, часть из них убита. Долгое время после окончания военных действия тела мужчин, женщин и детей находили в одиночных и массовых захоронениях в каменных расщелинах, в горных реках, в земле, в канализационных люках… Другие бежали. Куда глаза глядят. В Афганистан, Узбекистан, Киргизию, Россию…

*Попробуйте представить себя на месте этих людей, которые проголосовали за сохранение Союза, из которого вскоре Ельцин с подельниками втихомолку увели славянские республики, разрушив систему. Таджики ощутили, что их предали, вытолкнули из сообщества, лишили причастности к огромной державе и бросили на отшибе на произвол судьбы. Представьте их горечь, обиду, растерянность…*Не буду перечислять такие очевидные последствия выхода из Союза и гражданской войны как разруха, разрыв хозяйственных связей и тому подобного, что разом погрузили простых людей в бедность и многих заставили искать заработки на чужбине.

Для старшего поколения шок, вызванный гражданской войной, наложился на потрясение, которое испытало большинство таджиков при распаде СССР. Попробуйте представить себя на месте этих людей, которые проголосовали за сохранение Союза, из которого вскоре Ельцин с подельниками втихомолку увели славянские республики, разрушив систему. Таджики ощутили, что их предали, вытолкнули из сообщества, лишили причастности к огромной державе и бросили на отшибе на произвол судьбы. Представьте их горечь, обиду, растерянность…

Однако есть и более болезненное и глубокое чувство, которое переживают не только люди пожилые, но и молодежь. Культуролог Гулрухсор Мамурова называет его «дефицитом величия». Мне это наблюдение представляется настолько важным, что приведу несколько кратких выдержек из одной ее статьи. Она пишет: «Таджики — это народ, который должен был вновь открывать себя, осознавать обретаемую историю, испытывает дефицит величия, имея на то историческое право… Дефицит величия, вызывающий чувство ущербности, ложное или истинное ощущение комплекса неполноценности, существует открыто в сознании или скрытно в подсознании и у взрослых, и молодежи в Таджикистане». (Здесь неудачен оборот «испытывает дефицит величия, имея на то историческое право». В действительности речь о том, что Таджикистан своей древней историей, культурой, мудрецами и поэтами заслужил историческое право на величие.)

В идеологии официальных властей современный Таджикистан предстает в качестве наследника древнего государства Саманидов. При этом он не рвет символическую связь с советским прошлым, которое его азиатские соседи, за исключением Киргизии, объявляют «коммунистическим игом» и периодом «советской колонизации». Однако величия прошлого, древнего и советского, недостаточно, чтобы ликвидировать дефицит.

Хочу надеяться, что Таджикистан справится с этим комплексом, как и со всеми своими бедами и болезнями.

Когда Вы переехали из Таджикистана в Москву и почему приняли такое решение?

В Москву мы с женой переехали ровно тридцать лет назад после «черного февраля» 1990 года — трагических массовых беспорядков в Душанбе, организованных клановыми и криминальными авторитетами. То, что бесчинства стали только первой ласточкой, понимал, думаю, каждый человек в Таджикистане. Наша дочь была тогда подростком, а девочке не место в местах, где в любую минуту могут начаться погромы, беспорядки, грабежи… Так оно и случилось. Два года спустя вспыхнула гражданская война. К этому времени Таджикистан покинуло около трехсот тысяч его «некоренных» жителей — славян, татар, кавказцев, евреев, немцев, чувашей, корейцев… Всех не перечесть. Уезжали узбеки, которым было куда уехать. Немало уехало и таджиков.

Но вот что замечательно — Душанбе стал беспрецедентным примером мужества и самоорганизации его жителей. В начале беспорядков глава республики Кахар Махкамов выступил по телевидению с обращением к горожанам: «Мы не можем вас защитить. Обороняйтесь чем только можете». Надо отдать должное его мужеству — не каждый правитель способен на такое признание. Промолчи он, люди, вернее всего, продолжали бы надеяться на защиту властей. Узнав, что никто не поможет, душанбинцы взяли собственную судьбу в свои руки. В каждом дворе многоквартирных домов, в каждом квартале домов частных мужчины объединялись в отряды самообороны, чтобы защитить свои семьи. Вместе с «некоренными» (вынужден вновь прибегать к этому нелюбимому мной термину), чаще всего выходили на дежурства и горожане-таджики. Во многом, это было противостояние города и деревни, поскольку организаторы беспорядков подвозили в Душанбе все новых и новых бойцов из ближних и дальних кишлаков. Волну насилия остановили танки, которые центральная власть перебросила из Белоруссии по воздуху.

Душанбинские отряды самообороны 1990-го — привет из прошлого людям Брайтона 2020-го, которые сплотились, чтобы дать отпор погромщикам.

Бывшие республики – самые «новые» из бывших колоний, но отношения между ними и «колонизатором» развиваются не совсем традиционно. В Индии, например, благодарят англичан за чай, а каждый цивилизованный тунисец или марокканец прекрасно владеет французским и гордится этим. Русский же язык стремительно сдал позиции, хотя Пушкин и Толстой ни в чем не виноваты. Чем Вы это объясняете: отторжением из-за отождествления языка с политическим режимом или, как сказал в интервью мне Константин Косачев, недальновидностью российской политики?

Думаю, Константин Косачев прав. Он лишь выразился очень мягко. Долгое время российские власти проявляли полное безразличие к распространению русского языка в окружающем мире. Некогда в Таджикистане трудно было найти человека, не способного хоть как-то объясняться по-русски. Не знали ни слова, наверное, только женщины в дальних, глухих кишлакам, хотя и они в детстве ходили в школу, где учили русскому. Сегодня уровень знания русского языка, который записан в конституцию страны как язык межнационального общения, падает не только в дальних регионах, но и в столице. Особенно среди молодежи. Посол России в Таджикистане Игорь Лякин-Фролов рассказывает: «Идешь на рынок, видишь — молодые ребята, лет двадцати, начинаешь с ними разговаривать, а они по-русски не говорят. Не знают даже цифры. Не могут ответить, сколько что стоит…»

Не знаю точно, когда российская сторона наконец спохватилась. Когда начались попытки исправить положение. Десять лет назад, когда я был в Таджикистане, какая-то работа уже шла. Однако наверстывать упущенное — дело, насколько понимаю, дорогое и долгое.

В течение 70 с лишним лет нам рассказывали, как советская власть способствовала развитию «провинций». Но читая Ваш роман, порой забываешь, что действие происходит в 1990-е годы, а не во времена Чингисхана, настолько многое из описываемого кажется диким. Восток, который, как каждый знает, дело тонкое, предстает чудовищно грубым, по средневековому жестоким…

Во время войны, тем более гражданской, чудовищно груб и жесток не только Восток, но и любая часть света. За многочисленными примерами средневековой жестокости в двадцатом веке далеко ходить не надо. Таджикистан — не исключение, а подтверждение правила. Если бы я рассказывал о событиях мирного времени, колорит был бы совсем иным.

Как женщина, я не могу не обратить внимание на гендерную проблему. Нагляднее пространных рассуждений о «положении женщин» одна Ваша фраза – о том, что за городскую невесту большой калинг (или приданое) не запросят. И все становится ясно. Неужели это до сих пор так, и в 21 веке существуют принудительные браки и все, что им сопутствует?

В двадцать первом веке происходят вещи и поужаснее. Например, торговля человеческими органами, для которой людей отлавливают и убивают как диких зверей или скот. Или, например, рабство. По оценкам Walk Free сегодня в мире насчитывается около сорока миллионов рабов. Так что принудительные браки — не самое страшное из зол.

Думаю, вернее называть их браками по сговору родителей. Всегда ли они плохи? Это зависит от того, готовы ли отец с матерью щадить чувства своих детей. Плохо, если разлучают с любимым или женят на нелюбимой. А если молодые никого себе не присмотрели, то для них немало облегчается задача найти спутника жизни. К тому же, взрослые учитывают то, чего молодость не понимает из-за буйства гормонов и отсутствия жизненного опыта.

Иное дело, если родители выбирают исключительно из корысти. Это отвратительно.

Я очень оценила Ваш рассказ от нескольких лиц, словно действие снималось на несколько камер. Удивительно удались Вам интонации, разные стили, языковые особенности… Вы как-то специально работали над этим или естественным образом «пришло»?

Не могу вспомнить, как и почему стал рассказывать от имени нескольких действующих лиц. Объяснений, зачем это вообще необходимо, у меня нет. Так что такое построение, по-видимому, действительно возникло само собой.

Говорят, в бесформенном куске мрамора уже скрыто будущее изваяние, надо только сколоть лишнее. Нередко у меня возникало ощущение, что где-то в небытии «Заххок» уже существует в завершенном виде, и необходимо лишь извлечь его. По мере того, как роман продвигался вперед, отдельные изолированные образы или эпизоды внезапно начинали перекликаться, словно бы объединялись перекрестными ссылками… Ничего подобного я, когда писал их, не задумывал.

Например, в начале романа есть эпизод, в котором Тыква ловит сбежавшего раненного змея — это как бы предвестие его будущей победы над Заххоком, хотя, когда я сочинял эту сцену, у меня даже отдаленной мысли не было, что именно этот парнишка уничтожит тирана. Точно так же, я не предполагал, что череп, который выкопал Андрей в первых строках романа, — это предвестник манипуляций с отрубленной головой Зухуршо в последних главах. Я еще знать не знал, что голова будет отрублена. Зачем мне вообще понадобилась эта находка? Да ни за чем. Более того, эпизод отдает дурным вкусом, стремлением к дешевому эффекту. Но обойтись без черепа я почему-то никак не мог. Словно без него осталась бы хоть и малая, но пустота в образной структуре романа. Словно эта структура сложилась еще до того, как роман был написан.

Рассказываю это к тому, что я все же приспособил объяснение к многоголосью повествования. И даже не одно, а несколько. Расскажу об одном из них. Каждый из рассказчиков представляет какую-либо одну стратегию взаимоотношений с властью. От безропотного, нерассуждающего повиновения до яростного сопротивления и отказа подчиняться даже ценой своей жизни. Я, как мог, постарался исследовать эти стратегии изнутри. Наверное, именно поэтому я не включил Зухуршо в число рассказчиков — он носитель власти, то есть объект, а не субъект. Объект должен быть безгласен. Однако, вернее всего, эти рассуждения просто рационализация.

Что же до естественности интонаций, то они возникали сами собой. Я не пытался влезть в шкуру рассказчика, почувствовать себя собственным персонажем. Они, казалось, говорили самостоятельно, насильно заставить их «разговориться» не удавалось. Необходимо было настраиваться на некую волну, чтобы спонтанно возникала речь. Некоторые эпизоды «Заххока» я не писал, а диктовал на магнитофон, бродя по лесам и лугам. Однажды я заметил, что бессознательно диктую голосом и интонациями персонажа, от имени которого веду речь. Значит, все-таки влезаю в шкуру человека, который существует только в моем воображении, и он вещает моим голосом как мертвец в «Расемоне» Куросавы вещает устами старухи-шаманки.

Бурное развитие событий в романе оставляет место для интересных и глубоких размышлений о глобальных вопросах, в частности, о сути власти и ее отношений с подчиненными. Можно ли, например, объяснить, живучесть

некоторых правителей страхом того, что «после падения взбалмошного деспота начнется смута, схватка за его место, которое может занять человек, еще более жестокий и неуправляемый»? То есть люди предпочитают «знакомого дьявола» и больше всего боятся перемен?

Я не случайно выбрал место действия — маленькое горное ущелье, почти изолированное от внешнего мира. Это ситуация, в которой «власть» и «подвластные» вступают в прямое общение. В большом сложившемся государстве они обитают чуть ли не в разных мирах. В царстве полевого командира жизнь ограничена малым пространством. Царь и смерд живут в соседних домах и каждый день встречаются лицом к лицу. Именно это прямое, непосредственное столкновение с «властителями», с обнаженным, ничем не прикрытым властным насилием вынуждает действующих лиц романа постоянно делать выбор — подчиниться или противостоять принуждению... И только узость пространства дает возможность деревенскому пареньку устранить взбалмошного тирана.

Если же расширить границы горного ущелья до размеров страны, даже небольшой, то я не вижу, каким образом подчиненные способны повлиять на живучесть правителей. Независимо от того, боятся ли он перемен или жаждут их. Живучесть правителей зависит от очень богатых и очень сильных. Именно они используют ярость и недовольство масс, которые чаще всего сами же раздувают. Без них ярость народная, полагаю, бессильна. Во всяком случае, по-иному в истории еще не бывало.

И еще одна цитата: «Главное искусство власти – управлять не действиями, а желаниями подвластных, чтобы желания в свою очередь управляли их действиями». Заметим, это рассуждение не бывшего райкомовского работника, а эшона Ваххоба, представителя духовенства. Думаете ли Вы, что некоторые современные светские лидеры на постсоветском пространстве используют духовенство именно для «управления желаниями» людей?

Полагаю, в Средней Азии дело обстоит несколько сложнее. Светские власти имеют возможность сотрудничать только с «официальным» духовенством, исповедующим «традиционный» ислам. Однако это лишь вершина айсберга. Существуют по крайней мере еще два направления, повлиять на которые власть не в силах. Это ваххабиты, одна из целей которых разрушение светского государства. О влиянии на них и речи нет, с ними даже диалог невозможен. Суфийские же шейхи способны сами оказывать влияние на людей власти. В том числе и тайное. Махдуми Санги Кулула, один из столпов суфийского тариката Накшбандия, — яркий тому пример. В 1968 году на его похороны собрались десятки тысяч последователей со всей Средней Азии. Среди них было множество партийных и советских чиновников, бывших его мюридами. Говорят, что впоследствии пять тысяч из них были исключены из коммунистической партии или уволены. Чтобы понять степень влияния ишана на своих последователей, достаточно вспомнить знаменитое изречение: «Мюрид в руках своего шейха да уподобится трупу в руках обмывальщика».

В наши дни география влияния суфийских шейхов на последователей остается по-прежнему огромной, если не увеличивается.

Многие политологи и социологи отмечают, что в наше время к власти пришли троечники, причем не только на постсоветском пространстве. Вы назвали свой роман Заххок, по имени неправедного тирана и угнетателя, образом которого

пользуется кровожадный и примитивный Зухуршо, чтобы «не просто нагонять страх на людей, а вызывать у них запредельный, мистический ужас». Неужели в нашей части света невозможна власть, не держащаяся на страхе?

Зухуршо — именно из тех троечников, о которых Вы говорите. Я долго не мог решить, кто он таков. На чем основана его власть? Одно время он был у меня в черновиках похож на страшную обезьяну-людоеда. Затем меня привлекало уподобление свинье, но в конце концов я решил, что свинья недостаточно страшна. А что если он звероящер? Тираннозавр. Мне казалось важным вывести его не человеком, а Чужим, который, тем не менее, говорит по-человечески и с виду выглядит как человек. И только я, автор, буду знать, что это нелюдь.

Заманчиво и эффектно. Но никак не совпадало с моими представлениями о сущности власти. В конце концов я остановился на том, что Зухуршо — самый обычный человечишко, которого сжигает неутолимая страсть к власти. Более того, это неудачник, которого мимолетные вздорные желания то и дело отвлекают от главной цели. Однако для того, чтобы сегодня стать правителем, харизма не нужна. Власть сама по себе дает силу — как трактор дает силу трактористу. Нет нужды быть могучим как древний богатырь. Главное — уметь управлять трактором, машиной власти, и вовремя залезть в кабину. А дальше все происходит само собой. Следи лишь за тем, чтоб не выкинули из кабины. Функцию трактора в романе выполняют боевики во главе с Давроном…

*Зухуршо — самый обычный человечишко, которого сжигает неутолимая страсть к власти. Более того, это неудачник, которого мимолетные вздорные желания то и дело отвлекают от главной цели. Однако для того, чтобы сегодня стать правителем, харизма не нужна.*В то время, в начале девяностых годов, государственная власть утеряла силу, влияние и контроль над тем, что происходило в былой сфере ее влияния. Рассеялся окружающий ее ореол всемогущества. Социологи именуют это явление красивым выражением «десакрализация власти». Так вот, изображая Заххока, бывший партаппаратчик Зухуршо сознательно или бессознательно пытается «сакрализировать» свой образ. Обличье царя-злодея подходит для этой цели как нельзя лучше, да и змея сама по себе — очень мощный и многозначный символ, все значения которого лежат в области сакрального.

— Они разучились любить власть. Пусть теперь учатся бояться. Пусть священный трепет чувствуют…
Но до священного Зухуршо не дотягивает. Крестьяне исподтишка насмехаются над нелепой клоунадой правителя. Скрытая насмешка — одна из форм пассивного крестьянского сопротивления. Вместе с тем, хотя мужики и не ощущают священного трепета, страх они испытывают, и притом немалый.

По моему убеждению, любая власть неразрывно связана со страхом. Различаются лишь его формы. Власть либо впрямую угрожает человеку, требуя повиновения, либо обеспечивает его базовую потребность — безопасность — и требует того же. С первым случаем все ясно. Во втором страх вызывает вероятность лишиться защиты власти и остаться наедине со страшным миром насилия, голода, стихийных бедствий и прочих ужасов. Так что власть без страха невозможна ни в одной из частей света.

По моим наблюдениям, россияне мало интересуются Таджикистаном и таджиками, если только речь не идет о гастарбайтерах. Думаю,

справедливым будет и обратное утверждение. Можно ли сделать что-то для пробуждения взаимного интереса? И нужно ли?

Таджикистан интересовал и продолжает интересовать исключительно тех русских, которые прожили много лет или родились там. Сейчас они вспоминают об этих краях как о потерянном рае. Русские и таджики неплохо уживались вместе. Таджики вообще в большинстве своем хорошие соседи, это у них в культуре. И друзья они хорошие. Так что нередко русские и таджики дружили. Те, кто работали вместе, соседи, люди одних интересов — шахматисты или, скажем, охотники… Но при этом каждый из народов разделяла как бы стеклянная перегородка. Сложная и многоуровневая система таджикской частной жизни оставалась закрытой для русского человека. Внутрь впускали только своих, а своим можно было только родиться. Друзья сходились лишь на некоей ничейной культурной территории, на границе между двумя культурами, где для каждой стороны было достаточно самых общих, поверхностных представлений о традициях, этикете, национальных особенностей другого.
Но вот что примечательно. Несмотря на общение «через стекло», русские — даже те, кто ни слова не знали по-таджикски, — немало переняли от таджиков. Зачастую таджикская «аура» едва уловима, но она всегда присутствует. В манере общаться, в оценках людей, в правилах этикета…

А что до всех остальных, то российскую публику никогда особо не интересовала Средняя Азия. Да и весь Восток в целом. Ориентальный запал русской литературы был истрачен на Кавказ. Когда в начале позапрошлого, девятнадцатого, века романтизму потребовались Восток и романтический герой, Кавказ дал и то, и другое.

Поэтому, вероятно, когда после окончания кавказских войн началось завоевание Средней Азии, русская литература почти не обратила внимания на эти события и эти места. Во второй половине девятнадцатого было написано немало ярких книг — исторические исследования и мемуары о военных действиях в Средней Азии, очерки быта и нравов среднеазиатских народов, этнографические заметки и прочее в это же роде. Но не появился ни один «среднеазиатский» роман. Да и значительных повестей или рассказов не могу припомнить. Возможно, причина в том, что разлив романтизма пошел на спад, и наступали времена критического реализма. Россия обратилась к исследованию самой себя. Насущные проблемы, за решение которых взялась литература, были настолько острыми и неотложными, что тут уж стало не до далеких и чуждых окраин империи.

Таджикистан вызывал некоторый интерес у образованной России только в советское время — в короткий период тридцатых годов прошлого века. Тогда горный край посетили писательские бригады из Москвы и Ленинграда, в которые входили весьма известные в то время писатели: Борис Лапин, Захар Хацревин, Сергей Бородин, Николай Тихонов, Владимир Луговской, Леонид Соловьев, Борис Пильняк, Виктор Шкловский… Пара книг о Таджикистане — «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского и «Ниссо» Павла Лукницкого — стали бестселлерами. На тогдашний лад, конечно… Сегодня русский читатель вряд ли помнит даже имена их авторов. Исключение, разве что, Леонид Соловьев с его повестью о Ходже Насреддине. Литература — скоропортящийся продукт.

Вспышка интереса к Таджикистана была вызвана тем, что те годы советская власть начала обустраивать горную страну руками русских строителей, инженеров, врачей,

ученых, учителей… Бок о бок с ними трудились татары, евреи, армяне, украинцы, белорусы и сами таджики — всех, опять же, не перечесть, но русские были основным костяком.

Прежде, чем строить электростанции, заводы, больницы, школы, проводить каналы, необходимо было прежде всего победить малярию, от которой люди мерли как мухи. Малярия была искоренена самоотверженным трудом русских врачей. Точно так же была уничтожена проказа, от которой страдало множество людей, особенно в Бадахшане и на Дарвазе. Исчезли оспа, чума, холера, снизилась детская смертность. Население Таджикистана начало расти в геометрической прогрессии. Затем были построены заводы, фабрики, проложены дороги, протянуты оросительные каналы… Не стану продолжать, перечислять можно до бесконечности. На месте небольшого пыльного кишлака вырос прекрасный город, столица, а в ней были созданы драматические театры, филармония, киностудия «Таджикфильм», своя Академия наук с таджикскими учеными европейского уровня. И самое главное — были подготовлены национальные кадры по всех областях и сферах промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования и науки. Покидая Таджикистан, русские могли гордиться тем, что оставляют после себя.

Но кто сейчас об этом вспоминает в России? Помнят ли в Таджикистане? Даже «среднеазиатские» романы, написанные в нынешнем столетии, появились на свет по причине, чисто случайной и внешней, — их авторы родом из Азии (исключение составляет лишь Евгений Чижов). И все же стоит их перечислить. Прежде всего, разумеется, это орнаментальные опусы Тимура Зульфикарова, «Хуррамабад» Андрея Волоса, «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни, «Перевод с подстрочника» Евгения Чижова…
Вряд ли интерес к далекому Таджикистану возрастет в обозримом будущем, несмотря даже на то, что около миллиона таджиков живут и трудятся в России. И столь же маловероятен встречный интерес таджиков к нашей стране. Оба народа живут в слишком сложных условиях и готовятся к еще большим испытаниям, чтобы проявлять любопытство к тому, что напрямую не связано с выживанием.

При желании можно по-разному истолковать любую книгу, скандал вокруг романа «Зулейха открывает глаза» - недавний пример тому, что многочисленные премии не ограждают от «гнева народного». Как Вы оцениваете реакции на Ваш роман и были ли попытки обвинить Вас в разжигании межнациональной ненависти?

Есть читатели — я рад, что их мало, — которым «Заххок» активно не нравится. Это естественно. Книга не может, подобно стильной безразмерной одежде, подходить всем подряд — людям с разным умом, различными темпераментами, неодинаковым культурным багажом, противоположными убеждениями и прочим в этом роде. Так что о романе говорилось разное… Однако никто даже не заикался о межнациональной ненависти. В моей книге русские и таджики смотрят на многое по-разному, чаще всего из-за культурных различий не понимают друг друга, но я старался не вставать ни одну из сторон. К тем и другим я испытываю глубокую симпатию и сочувствие, и надеюсь, сумел выразить это в романе.

Меня очень волновало, как оценят книгу таджикские читатели. Не сочтут ли они, что я неверно понял или исказил таджикский характер, выдумал многое от себя и так далее. Я был уверен, что не погрешил против истины, но все-таки… Последнее слово

было за ними.

Возможно, найдутся таджикские читатели, которых роман возмутит, и они сочтут агрессией и даже культурным империализмом вторжение чужака в интимное пространство национальной жизни. И тогда малейшая неточность, любая неверная нота послужат доказательством того, что я не имел права соваться на чужую территорию.

С гордостью могу сказать, что отзывы, которые мне известны, оказались более чем положительными. Приведу мнение одного таджикского читателя из опубликованной на сайте «Проза.ру» рецензии на мой роман: «Невероятно, что не таджик, так смог рассказать о таджиках. Так прочувствовать весь пласт отношений между таджиками, отношений между мужчиной и женщиной в Таджикистане, отношений таджиков к нижнему миру (быта) и миру недоступному для понимания не посвященных. Проникнуть туда, куда не только чужих, но и своих-то не всегда пускают. И главное, увидеть те мелкие штришки, нюансы и последствия, казалось бы незаметные, но такие важные в обычной жизни таджиков».

Думаю, это лучший ответ на вопрос о разжигании межнациональной розни.

Переведен ли Ваш роман на таджикский язык или есть ли хотя бы такое намерение?

Вряд ли «Заххок» когда-нибудь переведут на таджикский язык. Роман никак не гармонирует с официальной мифологией, а также со стилем, в котором требуется писать о событиях того времени. Да и массового читателя для него, думаю, не наскребешь. Таджики — народ романтический, для большинства из них потребна литература совсем иного рода.

Чтоб было понятно, что имею в виду, сошлюсь на замечательного театрального педагога Бориса Владимировича Бибикова, воспитавший плеяду блистательных актеров театра и кино. Его воспитанниками были звезды советского и российского кинематографа Нонна Мордюкова, Руфина Нифонтова, Майя Булгакова, Вячеслав Тихонов, Надежда Румянцева, Светлана Дружинина, Леонид Куравлёв, Софико Чиаурели, Екатерина Савинова… В начале 1930-х годов он принял участие в уникальном культурном проекте — при ГИТИСе были созданы национальные студии, многие из которых стали впоследствии ядром национальных театров. Нам с женой посчастливилось записывать воспоминания Бориса Владимировича, когда он в конце жизни потерял зрение. Мне запомнилось одно из его высказываний, немало объясняющее в таджикском национальном характере: «Жизнь и театр в представлении таджиков не смыкались. Жизнь казалась им процессом весьма заурядным, сцена — достойной сугубо романтических, возвышенных сюжетов и переживаний». Студийцы-таджики на занятиях не любили разыгрывать бытовые сценки, им хотелось играть царей, красавиц, мудрецов, героев… Полагаю, что таково же представление многих авторов и среднего читателя о том, какой должны быть литература.

Немаловажно и то, что один из персонажей «Заххока» — Сангак Сафаров, народный герой. О нем теперь не упоминают в официальных речах, в официальной прессе и медиа. Будто его и не было. Напоминание о Сангаке в романе придется совсем некстати.

Есть и другие причины, но они не столь важны.

Есть ли категория читателей, которой в первую очередь адресован Ваш роман?

Я никогда о том не задумывался, но, пожалуй, есть. Это люди с умом, сердцем, широким кругозором, со стремлением узнать новое и понять окружающий мир.

русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке
русская литература во французских переводах

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/vladimir-medvedev-v-zone-kuda-puskayut-tolko-svoikh